

Изъ литературнаго наслѣдія Аарона, Епископа Архангельскаго (Алексея Нарциссова).

Предлагаемые ниже матеріалы не относятся непосредственно къ исторіи Московской Духовной Академіи, но, характеризуя самый конецъ существованія ея предшественницы—Академіи Славяно-Греко-Латинской, они могутъ быть не бесполезны и для историка Московской Духовной Академіи, сочине отгвняя ту среду, изъ которой сформировалось новое учрежденіе.

Авторъ печатаемыхъ стихотворныхъ упражненій и словъ—учитель нѣмецкаго класса Алексѣй Нарциссовъ, внослѣдствіи Ааронъ, Епископъ Архангельскій. Въ 1807 году онъ былъ катихизаторомъ Московской Академіи и написалъ систематическій курсъ „катихизическаго ученія, съ приобщеніемъ по сличности истолкованія воскресныхъ Евангелій чрезъ цѣлый годъ“. Современники Нарциссова „съ похвалами отзываются о его катихизическихъ бесѣдахъ, привлекавшихъ множество слушателей въ Академію, но ставятъ ему въ недостатокъ излишнюю низкость и простонародность въ выраженіяхъ“¹⁾. А. Нарциссовъ, по сообщенію Г. Геннади, „былъ весьма свѣдуецъ въ языкахъ и оставилъ много поученій, изъ какихъ по каталогу извѣстны два“. Ему же принадлежатъ переводы съ нѣмецкаго, англійскаго и латинскаго, заслужившіе одобреніе Митрополита Платона; списокъ десяти изданныхъ приводится у Г. Геннади²⁾. Изъ нихъ „Зрѣ-

¹⁾ С. [К.] Смирновъ.—Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. М., 1855 г., стр. 317. Ред.

²⁾ Г. Геннади.—Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Т. I, А—Е. Берлинъ. 1876. именно „Ааронъ“.

лице Креста Христова* издано въ Москвѣ въ 1810 г. ¹⁾. Рукопись его сочиненій и переводовъ въ 154 полулиста принадлежит Смотрителю Владимирскаго Духовнаго училища А. И. Троицкому. Печатаемые матеріалы сообщены въ редакцію „Бог. Вѣстн.“ имъ же. Ред.

I.

Благодарственные стихи,

писанные мною 1808 года 11-го дня Іюня, Его Пресвященству Пресвященнѣйшему Моисею, Епископу Пензенскому и Саратовскому, бывшему Московскаго Ставропигіальнаго Заиконо-Спасскаго училищнаго монастыря Архимандритомъ, и Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи Ректоромъ, поднесенные ему мною Нарциссовымъ—яко моему благодѣтелю въ засвидѣтельство благодарности моея, при его отъѣздѣ въ свою Епархію²⁾.

Ударилъ часъ и Ты—ты оставляешь насъ!—
 Какъ опустѣло всё! . . . . .
 . . . . . Какъ мало всё для глазъ!—
 Одинъ всё унесешь!—О Боже! какъ мы сирѣ!...
 И что предъ Геніемъ безмозглые кумиры?...
 Вотъ Академія! Насталъ и твой покои!
 Коль хочешь, спи;—ушелъ страже-будитель твой...
 Покойный сонъ тебѣ, и сладостныя грезы!—
 Но зареветь гроза,—рѣкой польются слезы...
 И я--нещастный я—и я былъ столько золь,
 Что вопреки тебѣ съ упорнымъ сердцемъ шелъ!...
 Отець! Прости меня! Я былъ такой невѣжда.—

¹⁾ Смирновъ,—id. стр. 337.

Ред.

²⁾ Моисей Платоновъ-Близнецовъ родился въ 1764 г., обучался въ Троицкой Семинаріи. Съ 1795-года, по принятіи монашества былъ опредѣленъ туда же Префектомъ, а въ 1800 г. переведенъ Префектомъ въ Академію. Въ 1807 г. опредѣленъ былъ Ректоромъ Академіи (третьимъ съ конца) со званіемъ Архимандрита Заиконоспасскаго монастыря. Въ 1807 г. вызванъ былъ въ СПб. на чреду служенія, въ 1808 г. — хиротонисанъ во Епископа Пензенскаго, въ 1811 г. переведенъ въ Нижній-Новгородъ. Скончался въ 1825 г. (Смирновъ, id., стр. 361). *Ред.*

Но я опомнился—и есть во мнѣ надежда!—
 Хотя поздно—но тебя великаго узналъ:
 И какъ узналъ, въ тотъ мигъ я предъ тобою палъ.
 Тутъ мнѣ представился вдали Твой образъ дивный.
 Предъ-коимъ тысячи поютъ похвальные гимны,
 Превознося—въ трудѣ неутомимый духъ;
 Вокругъ написано: надежный правды другъ:
 Весь содрагнулся я, узрѣвъ что до чертога—
 Гдѣ ты живешь—другимъ ужасная дорога....
 Какая твердость пять, пройти чтобъ по кремнямъ!
 Какія рамена къ геройскимъ бременамъ!
 Какія мышцы, чтобъ терзать львовъ, тигровъ зевы!
 Какой булатъ—, разить эхидны лютой чрево!—
 Сколь смѣлое чело, чтобъ грома презирать!
 Что надобно къ тому, чтобъ побѣдить и взять!...
 Ты мнѣ открылъ сіе, мужъ дивный и священный!
 Знай, что слова твои не въ Летѣ погребенны,
 Но врѣзались на вѣкъ внутри—въ груди моей:
 Твой духъ во мнѣ,—такъ ты—ты мною и владѣй!—
 Я точно сталъ таковъ, какъ быть тебѣ хотѣлось;
 Все бросилъ гнустное, взялся за ту же смѣлость,
 Чтобъ подражать тебѣ въ тѣхъ подвигахъ. трудахъ,
 Гдѣ долженъ лобъ трещать,—и мозгъ кипѣть въ костяхъ...
 Хотя разъ оставить классъ за Сіменъ почитать!
 Изгнанье. удержатъ—убійствомъ называть—
 Гдѣ можно что узнать, на стражѣ тамъ стою;
 Что сдѣлать лишь могу, потъ безъ пощады лью....
 Я прежде скользкою дорогой шель безъ цѣли:
 Немного—вихри бы меня какъ прахъ свертели,
 И въ бездну бъ унесли къ потерѣ многихъ слезъ:
 Но ты, рожденный въ свѣтъ щедротами небесъ!
 Ты спасъ меня, и путь мнѣ показаль надежный,
 Какъ щастья въ храмъ идти. нося духъ безмятежный.—
 Въ дремотѣ я блуждалъ съ презрѣніемъ себѣ,
 Къ великому—совсѣмъ надежду погубилъ:
 Но ты какъ громъ гремѣль и рано мнѣ и поздно,
 Предетавилъ мнѣ въ челѣ своемъ то время грозно,
 Какъ насъ свирѣпый рокъ положить на вѣски
 И будетъ исчитать всѣ въ насъ золотники.....
 Вдругъ, воспрянувъ отъ сна,—себѣ я ужаснулся,

Когда на изверга себя я оглянулся....
 Благодареніе мое къ тебѣ, Отецъ!
 Окончится тогда, какъ придетъ мой конецъ;—
 Къ тебѣ усердый жаръ въ груди моей—простынетъ,
 Тогда, какъ блѣдная смерть жизнь изъ сердца вынетъ...
 Пустился я въ тотъ путь, что ты мнѣ показалъ;
 И если бы не ты, я бѣ вѣчно не дерзалъ.—
 Теперь—когда во мнѣ огонь къ музамъ возгорѣлся,
 Какъ съ духомъ я Твоимъ въ броню сію одѣлся,
 Теперь—не трудно мнѣ; хоть трудъ, но сладокъ онъ.—
 Гдѣ ни бываю я, смотрю на Геликонъ;
 Священной высоты изъ вида не тѣряю;
 Хоть и отважусь что,—но съ жаромъ прозираю...
 Лукрецій Каръ и Локкъ учителя мои,
 Руссо наставникъ мой, а Кантовы статьи
 Мнѣ страшны потому, что времени немного
 На математику употребилъ я строго:
 А прочихъ авторовъ читаю безъ труда,
 Читаю и люблю.—Но вотъ моя бѣда,
 Что я по гречески недавно сталъ учиться;—
 Но впрочемъ небоюсь,—труду всё покорится.—
 Прости, Священный Мужъ! Той дерзости моей,
 Что оскорблялъ тебя я грубостью своей!
 Невѣжество всему тому причиной было,
 Мнѣ нынѣшнему то—что въ прежнемъ зрю—постылю.
 Щастлива та страна, котора ждетъ тебя!
 А мы—молчу.... съ Тобой, кто чувствуетъ себя.—
 Пусть благодѣтеля невѣжды очерняютъ:
 Прости имъ!—Ахъ! они Тебя не понимаютъ....
 Ты не оставишь насъ, когда Твой съ нами духъ:
 Ты вѣчно говоришь къ тому, кто былъ не глухъ.
 Щастливъ я, что схватилъ то хоть одной рукою,
 Что не завистно Ты всѣмъ разсыпалъ рукою!
 Желалъ бы день и ночь съ Тобою говорить:
 Но въ свѣтѣ—мы-ль одни? Тебѣ тамъ должно быть,
 Горь мертвые Тебя зовутъ къ себѣ кумиры:
 Спиши имъ душу дать,—спиши къ нимъ Ангель мира!
 Безчисленны Тебѣ курятся олтари!
 Безсмертный—будешь жить благихъ сердець внутри!—
 Дань благодарности моей, о Мужъ Священный!

Прими—приникнувши на духъ мой откровенный!
 О! еслибъ вещью при помощи твоей
 Благодарилъ тебя Нарциссовъ Алексѣй!.... 94.

II.

Уроки Соломоновой мудрости.

Урокъ 1-й.

Увѣщаніе къ правосудію и пробужденіе къ тщательному исканію премудрости.

Земные Судіи! Судь, правду возлюбите;
 И въ простотѣ святой вы Господа взыщите!
 Богъ обрѣтается неищущимъ Его,
 Сомнящимся—себѣ являетъ самого.
 Не будутъ вмѣстѣ—Богъ и помыслы строитивы:
 Караемъ виденъ всѣмъ безумецъ горделивый.
 Премудрость въ злой душѣ не можетъ быть равно,
 Какъ въ тѣлѣ что грѣхомъ вокругъ осквернено.
 Святой Духъ въ истинѣ единой обитаетъ,
 Далече отъ людей порочныхъ отстуетъ.
 Премудрость такъ свята, что хульниковъ казни?
 Богъ слышитъ слово устъ, Богъ сердце, мысли зритъ:
 Затѣмъ что Божій Духъ разлитъ по всей вселенной,
 Вездѣсь—слышитъ Богъ гласъ въ тайнѣ сокровенной.
 Неправду кто изрекъ, Богъ слышитъ злой глаголь.
 И судъ произведетъ исполненъ лютыхъ золь:
 Дастъ нечестивому въ совѣтахъ истязанье,
 И беззаконіямъ въявь свѣту наказанье:
 Предъ ухомъ рвенія и шопотъ какъ труба,
 Какъ шумный громъ слышна роптанія молва.
 Отъ ропотовъ пустыхъ, отъ хульныхъ словъ блюдитесь:
 Все явно. Гнусна ложь есть смерть души, страшитесь!
 Хотите заблуждать? Васъ смерть съ земли сорветъ;
 Нечестивать?—Васъ ровъ погибели пожретъ.
 Богъ—смерти не творецъ, Богъ—жизни есть начало:
 Не хочетъ, чтобы тварь живая погибала.
 Создалъ, чтобъ твари всѣ имѣли бытіе;
 Все въ мірѣ хорошо, Богъ любить все свое.

Вещей зловредныхъ нѣтъ, и на земли нѣтъ ада.
 Безсмертна правда въ вѣкъ (смерть есть одна неправда)
 Смерть—нечестивыхъ часть за ихъ слова, дѣла:
 Они ее взыскавъ какъ друга возлюбили,
 И неразрывный въ вѣкъ завѣтъ съ ней положили.
 Возможно-ль, чтобы жизнь ихъ долею была?

III.

Господи помилуй 3-жды.

Человѣкъ безъ Бога
 Самъ ни до порога:
 Господи помилуй!

Богъ онъ по мечтанью,
 Червь онъ по дѣянью:
 Господи помилуй!

Умъ за облаками,
 Дѣло подъ ногами:
 Господи помилуй!

Съ разумомъ безъ вѣры
 Въ свѣтъ все химера!
 Господи помилуй!

Видя всюду горе
 Какъ не скажемъ вскорѣ:
 Господи помилуй!

Страсти намъ ужасны,
 Прелести опасны.
 Господи помилуй!

Сладко пахнуть розы,
 Тернъ даетъ занозы.
 Господи помилуй!

Чести надымають,
 Деньги повреждаютъ:
 Господи помилуй!

Нынѣ съ Крезомъ скачешь:
 Завтра съ Иромъ плачешь;
 Господи помилуй!

Нынѣ пирь любовный,
 Завтра тоски слезны.
 Господи помилуй!
 Дай намъ Богъ имѣнье,
 Дай же и умѣнье!
 Господи помилуй!
 Дай намъ Боже славу,
 Дай и жизнь намъ здраву!
 Господи помилуй!
 Отъ благодарныхъ,
 Отъ враговъ коварныхъ,
 Господи помилуй!
 Отъ людей безбожныхъ,
 Отъ друзей всѣхъ ложныхъ,
 Господи помилуй!
 Отъ жестока хлада,
 Отъ смертельна глада,
 Господи помилуй!
 Отъ огня, потопа,
 Отъ меча жестока,
 Господи помилуй!
 Отъ земли безводной,
 Крамолы народной.
 Господи помилуй!
 Отъ врачей нерусскихъ,
 Отъ умовъ французскихъ,
 Господи помилуй!
 Отъ ученыхъ споровъ,
 Отъ тяжелыхъ вздоровъ,
 Господи помилуй!
 Отъ проклятой моды.
 Браковъ отъ свободы,
 Господи помилуй!
 Наши всѣ мученья
 Казнь за согрѣшенья:
 Господи помилуй!
 Міръ въ нечестьи тонеть
 Доля подъ нами стонеть:
 Господи помилуй!

Богъ грозить намъ громомъ.
 А у насъ—содомомъ.....
   Господи помилуй!
 Накажи насъ, Боже,
 Какъ Отець, нестроже
   какъ дѣтей помилуй!
 Отъ духовъ злыхъ, темныхъ,
 Отъ огня геены—
   Сохрани помилуй!

IV.

С Л О В О

(говорено сентября 5 дни).

Въ недѣлю 16-ть о томъ, что мы словомъ Божиимъ яко самоважнѣй-
 шимъ предметомъ заниматься долженствующемъ, язъ темы: *имѣйи уши*
слышати, да слышатъ (Матѣя 25, 30).

Всевышній благословилъ днѣ наши, и мы начали новое
 лѣто. Слава челоувѣколюбцу Богу, паки собравшему насъ во
 храмъ святыи для слышанія слова Божіа! Съ какимъ жа-
 ромъ избѣгшии лова елень пожираетъ холодную воду, съ та-
 кимъ же палимая огнемъ страстей и искушеній душа пьетъ
 струи ученія Христова. Сіе чувствуетъ сынъ вѣры, съ чи-
 стымъ сердцемъ приемящій Евангеліе. Душа наша имѣетъ
 свой голодь, своей требуетъ пици (М. 4,4); посему-то чело-
 вѣкъ среди роскошей и пиршествъ уныль и скучень быва-
 етъ. Несчастенъ тотъ, кто лишаетъ себя пици ученія Хри-
 стова! О! какихъ удовольствій лишается онъ! Сіе удоволь-
 ствіе душевное по истинѣ чувствовалъ Клеопа съ своимъ
 сопутникомъ, когда ревнуя по словеси Господа воскликнули
 они въ восхищеніи духа: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда*
глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писаніе?
 (Луки 24,32). Сіе божественное удовольствіе чувствовалъ
 Петръ Святыи, когда въ восторгахъ душевныхъ... вѣщаль
 къ небесному учителю: *Господи! Къ кому идемъ? Глаголы жи-*
вота вѣчнаго имаши (Іоанна 6,68). Кто хотя разъ отворилъ
 сердце свое вліанію благодатныхъ ученій, тотъ безъ сомнѣ-
 нія восклицаетъ къ Богу съ пророкомъ: *коль сладка гортани*
моему словеса Твоя! паче меда устомъ моимъ (Псаломъ 118,103).
 Естьли слово Божіе въ комъ ни разъ не поражало сердца.

и не порождало въ немъ искры отъ огня Божественнаго; тотъ въ груди своей носить камень, тотъ извергъ—а не человѣкъ. Возможно ли человѣку не трогаться тѣмъ, что для него всѣхъ сокровищъ важнѣе и драгоцѣннѣе? (Псал. 118,72).

Мы видѣли красоты лѣта, и гдѣ онѣ?—исчезли. Хладныя вѣтры возвѣщаютъ приближеніе зимы, черная мгла досаждаетъ зрѣнію нашему ищущему лазури; желтый листъ падаетъ на землю. Увы! Земля есть гробъ и для самихъ человѣковъ! Туда—въ холодныя объятія темной могилы всѣ мы должны идти. Неумолимая смерть безъ жалости пожираетъ свои жертвы. Глаголь вѣчныя судьбы непремѣненъ: *земля есть и въ землю отыдеши* (Быт. 56. 8,19). Каждый новый день платитъ новыя дани тлѣнію. Сколько разъ при ужасномъ траурѣ дымящіеся факелы мимо нашихъ домовъ сопровождали трупы мертвецовъ неоплаканныхъ? Подобно сельному цвѣту вянетъ красота наша, подобно вечернему свѣту умираетъ слава наша, подобно легкимъ облакамъ исчезаютъ высокія намѣренія наши.—Но забывая свою ограниченность, мы далеко простираемъ желанія наши. Недовольствуясь выгодностію домашней, снѣшимъ за предѣлы нашего отечества, ласкаясь надеждою собрать индійскія сокровища. Забывая о благоденствіи общественномъ, защищаемъ жарко собственную нашу частную пользу. Отнимая другъ у друга вещи, отнимаемъ у себя время пользоваться вещами. За блестящій комъ земли мы ссоримся, деремъ и проливаемъ кровь человѣческую. Къ возобладанію драгоцѣнностей жертвуемъ спокойствіемъ и здоровьемъ своимъ; но сія драгоцѣнность приходитъ въ руки наши съ надписью: *счета суетствій*. Скучаетъ Ирѣ нищенскимъ посохомъ, скучаетъ скипетромъ и Александръ, восточный завоеватель: стенаетъ рабъ подъ бременемъ службы, стенаетъ и владыка подъ бременемъ величія. Отрокъ льститъ себя лѣтами опытнаго мужества: совершеннолѣтній желаетъ себѣ опять беззаботнаго младенчества. Сердце человѣческое въ желаніяхъ своихъ подобно легкому перу проносимому отъ вѣтра съ одного мѣста на другое: всего желаетъ, но ничѣмъ довольно быть не хочетъ. Видно нѣтъ истиннаго на земли счастья, когда намъ судьба даетъ вещи, дабы опять у насъ оныя похитить, дабы и насъ самихъ отнять у вещей. Долгота времени измѣряется одною скукою нашею. Часто съ нахмурен-

нымъ челомъ въ забывчивости просиживаемъ дни и ночи, дожидаясь завтрашняго дня, но и завтрашній день радостей не приноситъ. Время обманываетъ насъ: оно своею долготою наводитъ намъ скуку, дабы послѣ изъ груди нашей извлечь тяжело-вздошное раскаяніе и жалобу на краткость времени. Дни лукавы; и не увидишь, какъ они длиннымъ рядомъ пролетятъ — и оставятъ насъ яко не мудрыхъ. Посему то — Павелъ божественный мудрецъ говоритъ намъ: *Блудите, яко опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри: искупующе время, яко дни лукави суть* (Ефес. 5,15,16). И не увидишь, какъ быстролѣтящее время вырветъ у малосмыслящихъ игрушки, и проведетъ по челу ихъ морщины. Мы большею частію хотимъ быть праздными зрителями того, какъ природа измѣняется въ коловращеніяхъ своихъ, а дѣйствовать сообразно природѣ нашей мы не умѣемъ. Проведши свѣтлое время въ праздности, мы ловимъ ночью блудящія огни, и кромѣ призраковъ ничего не находимъ. Вотъ что значатъ вещи въ мірѣ. Вотъ что мы, обладатели вещей.

Но прочь Химера! — Исчезните мраки отъ очей нашихъ!.. *Все мы сынове свѣта есмь и сынове дне: нѣсть ночи ниже тмы* (Солун. 5,5). Свѣтъ Евангелія освѣщаетъ пути нашей жизни, и мы ясно видимъ загробное состояніе наше. Человѣкъ! ты не загадка! Не привидѣніе! Не мечта! Христіанинъ! Въ словѣ Божіемъ явственно читается твое опредѣленіе. Ты связъ видимаго съ невидимымъ; ты сынъ праха, но вмѣстѣ исчадіе вѣчнаго духа (Быт. 2,7). Ты житель земли, но только на время, тебя въ объятія свои призываютъ вѣчныя небеса! (2 Кор. 5,1). — Познай свои таланты, данные тебѣ отъ Бога въ способностяхъ души и тѣла! Поставленный торжникомъ на время приобрѣтай на торжищѣ міра своими талантами новые таланты: за тлѣнное покупай нетлѣнное, за малое великое, за временное вѣчное. Здоровъ ли ты и крѣпокъ? Помогай больнымъ работать и трудами своими; чрезъ то умножится твоя крѣпость. Богатъ ли ты? Снабжай бѣдныхъ, и тѣмъ усугубишь твое богатство. Силенъ ли ты? Защити слабыхъ, и тѣмъ увеличится твоя сила. Разуменъ ли ты? Просвѣти невѣжду, и тѣмъ расширится твоя мудрость. Отецъ ли ты? Дай дѣтямъ христіанское воспитаніе, едѣлай ихъ благомыслящими сынами вѣры, церкви и отечества, и чрезъ

то жить будешь въ поздныхъ потомкахъ. Супругъ ли ты? Чти свято союзъ оный священный и добро тебѣ будетъ. *Жена твоя яко лоза плодовая въ странахъ дому твоего: Сынови твои яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея.* (Псал. 127, ст. 3 и слѣдующій). *Благословитъ тя Господь отъ Сиона, и узриши сыны сыновъ твоихъ* (Исход. 20, ст. 12). *Сынъ ли ты? Чти отца твоего и мать твою, и долголѣтнъ будешь на земли.* Молодь ли ты? *Образуй умъ твой ученіемъ полезнымъ, и въ старости возвеселишися. Премудрость бо сыны своя вознесѣ, и заступаетъ ищущихъ ея* (Сир. 4, 12, 14). *Держайся ея наследитъ славу, и идѣже входитъ, благослови его Господь.* Воспитанъ ли ты достожднымъ порядкомъ? Плати твоему отечеству благодарность, служба Государю и обществу. Старецъ ли ты? Предохраняй совѣтами неопытныхъ юношей отъ распутства и худыхъ слѣдствій. Судія ли ты? *Научись добраго творити, взыщи суда, избави обидшиго, суди сирѣ и оправдай вдовицѣ* (Исаи 1, 17). Служитель ты алтаря? Учи словомъ и дѣломъ, и проходи нелѣнно званіе священнаго сана. Господинъ ли ты? Люби подчиненныхъ, какъ дѣтей своихъ отецъ. Воинъ ли ты? Не щади крови за отечество. Купецъ ли ты? Старайся о вещахъ общественныхъ на основаніи честномъ и законномъ. Земледѣлецъ ты? Трудись охотно, и вѣдай, что труды крѣпкихъ рукъ маловажны предъ трудами крѣпкихъ головъ (Притчи 16, 32 и 24, 5). Таковое величественное ученіе о употребленіи талантовъ преподаетъ намъ Павелъ святой въ поразительныхъ реченіяхъ: „яко же во единомъ телеси многи уди и мамы, уди же вси неоще имуть дѣланіе (Римл. гл. 12 со ст. 4): такоже мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по едному другъ другу уди, имуще же дарованія по благодати даниѣи намъ различно: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры: аще ли служеніе, въ служеніи: аще учай, во ученіи: аще утѣшай, во утѣшеніи: подавай въ простотѣ: предстояи съ тщаніемъ: милуй съ добрымъ изволеніемъ. Любы нелицемѣрна: ненавидаще злаго, прилѣпляйтесь благому: братолюбіемъ другъ ко другу любезни: честно другъ друга больше творяще: тщаніемъ нелѣниви, духомъ горяще, Господеву работающе: упованіемъ радуящеся, скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе: требованіемъ святыхъ приобщающеся. страннолюбія держащеся: благословляйте гонящія вы: бла-

гословите, а не клените“, и проч. И для чего все сіе предписывается человѣку христіанину? Для того, чтобы за исполненіе христіанскихъ обязанностей пріобрѣсть ему надежду на небесѣхъ. Богъ нѣкогда потребуеъ отъ насъ отчета въ употребленіи талантовъ, куда обратили мы способности душевныя и тѣлесныя, дары земные и небесныя? Итакъ не смущаютъ насъ житейскіе труды, не страшатъ нужды и бѣды, не ужасаютъ смерть и тлѣніе: Мы имѣемъ упованіе живота вѣчнаго. Путь къ вѣчному блаженству есть многотрудное поприще добродѣтели. Смерть есть нашъ благій Ангель преносащій насъ въ горнія обители вѣчности; туда полетимъ оставя тлѣніе во гробѣ. Мздовоздаятельный владыка скажетъ христіанину трудолюбно дѣлавшему свои таланты: *Рабе благій и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господи твоего* (Мате. 25, 21). Таковую блаженную человѣка участь равно какъ и истинную цѣну его и достоинство познали мы, слушатели, изъ слова Божія. Ибо въ словѣ Божіемъ состоитъ блаженство наше, спасеніе наше. Слово Божіе научаетъ насъ познавать Бога и любить его, познавать наше опредѣленіе и любить его, познавать наше безсмертіе и побѣждать міръ. Безъ слова Божія мы ни себя, ни Бога, ни міра знать не можемъ, и прямо спѣшимъ къ вѣчной гибели нашей. Вотъ почему Спаситель называетъ Евангельское ученіе источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14).

Посему слово Божіе есть первый изъ всѣхъ важнѣйшихъ въ жизни предметовъ, достойнѣйшихъ человѣка христіанина. Убо слово Божіе долженствуетъ быть начальнымъ предметомъ размышленія нашего и любленія сердечнаго.

И возможно ли быть намъ хладнокровнымъ къ слышанію слова Божія? Возможно ли мало уважать ученіе Евангельское? Какъ дерзнемъ съ вольнодумцами ругаться небесной истинѣ? Ужели пойдемъ къ нечестивцамъ учиться неистовому цѣломудрію, и призрѣвъ глаголы живота вѣчнаго будемъ у ложныхъ философовъ просить себѣ имя пустаго софиста? Неужели Павелъ святыи, обманывая себя въ Божественности ученія христіанскаго, вопіемъ: *Явися благодать Божія спасательная всемъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждущи*

блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа? (Тит. гл. 2 11, 12, 13). Ужели, обманывая самого себя, царствующій Пророкъ восклицалъ къ Богу: *Блажь мнѣ законъ устъ твоихъ паче тысящъ злата и сребра* (Псал. 118. 72). Не намъ ли говоритъ языковъ учитель: *Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщать философією и тщетной лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христъ* (Колос. 2, 3). *Имѣяй уши слышати, да слышитъ. Аминь.*

V.

С Л О В О

въ день Воздвиженія Честнаго Креста о томъ, что блаженство наше во умерщвленія плоти, изъ темы: *Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть* (1 Корин. 1, 18).

Когда злодѣи распяли Всесвятаго, освятился крестъ. Новый Иерусалиме! Красуйся и ликуй! *Прійде бо къ тебѣ слава Ліванова съ кипарисомъ, и пегомъ, и кедромъ* (Исаи 60, 13). Предъ лицомъ всего міра днесь воздвигется пречестный крестъ Господень. Христіане! вотъ слава ваша! Вотъ знамя ваше! Вотъ скрижали новаго завѣта! На сихъ скрижаляхъ читаете вы самое воплощенное слово, самую небесную истину. *Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Необуи ли Богъ премудрость міра сего?* (1 Корин. 1, 20). Высота благословеннаго древа сопрягаетъ небо съ землею, глубина его стираетъ главу адскаго змія, широта его біетъ духовъ злобы поднебесныхъ. Воздвигется Крестъ Господень, восходитъ свѣтило таинственное, сіяетъ солнце невещественное, солнцы правды вѣчныя, земнородные! Се утверждается вамъ лѣствица къ небеси. Сынове падшаго Адама! Поклоняйтесь благословенному древу! Пригвоздите къ нему сердца ваша! Обоймите крестъ Господень. Крѣпче и крѣпче прижимайте его къ персямъ вашимъ! Да окропятъ васъ капли неоцѣненныя крове, да омыють пятна грѣховныя, да освятятъ васъ, да положить на челѣ вашемъ печать сыновъ Божіихъ.—Тамо при подножии жертвенника, гдѣ дымится кровь невинная—тамо пролейте слезы умиленія, и повергните себя въ нѣдро Божія милосердія!... И что еще мы видимъ, слу-

шателли? Въ честь настоящаго торжества обратимъ душевные взоры наши на поразительный предметъ. На крестѣ, мнится, кровавыми буквами, написана высокая намъ истина: Человѣки! Распинайте плоть со страстьми и похотьми! Вотъ ваше блаженство!

Но нѣтъ, самолюбіе наше противится закону самоотверженія. Для насъ лучше предаваться мірскимъ удовольствіямъ и угождать пожеланіямъ плоти. Почему же? Потому что мы ищемъ въ плотоугодіи своего блаженства. „Какъ говоритъ міролюбець? Ужели мы рождены для того, чтобы мучить себя жестокою жизнію? Чтобы изнурять себя, между тѣмъ какъ самая природа насъ къ веселостямъ приглашаетъ? Человѣкъ сотворенъ для блаженства, сія истина сколько высока, столько несомнѣнна. Такъ же несомнѣнно и то, что въ плотоугодіи не состоитъ блаженство человѣка. Блаженство наше есть непрерывная радость; непрерывная радость есть душевная; душевная радость состоитъ въ спокойствіи духа. Кто угождаетъ плоти со страстьми ея и похотьми, тотъ спокоенъ быть не можетъ. Угождать плоти, значитъ усиливать въ себѣ злыя страсти, которыя непрестанно воюють на духа (Гал. 5, 17). Обуреваемый страстоволнованіями духъ нашъ спокоенъ быть не можетъ. Представьте себѣ корабль носимый вѣтрами по водамъ при изнеможеніи кормчаго. Тако бываетъ съ человѣкомъ, когда страсти увлекаютъ его насильственно при изнеможеніи духа. Въ самую глубокую полночь терзается честолюбець, что имя его многимъ неизвѣстно. Подобно Танталу среди водъ жаждетъ сребролюбець, и мучительную жажду свою приумножаетъ звономъ блестящаго металла. Сохнетъ и блѣднѣетъ завистникъ при каждой встрѣчѣ новаго совершенства, новаго дара въ ближнемъ. Словомъ, страсти не даютъ покоя человѣку, попеременно заставляютъ его то восхищаться, то бояться, то надѣяться, то сожалѣть, то желать, то досадовать, то гнѣваться, то ненавидѣть, то раскаяваться, то отчаяваться, и страстоугодникъ спокоенъ быть не можетъ. Хочешь ли ты знать дѣла плоти? Увидишь, что плотоугодіе для человѣка гибель. *Дѣла плотская, говоритъ Апостоль, суть прелюбодѣянніе, блудъ, нечистота, стубодѣянніе, идолослуженіе, чародѣянніе, врижда, рвенія, завиды, ярости, разжженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, пьянства, безчинныя клчи, и подобная*

симъ (Галат. Глав. 5, 19, 20 и 21). И ужели во враждѣ и распряхъ, въ убійствахъ и пьянствахъ, въ студодѣянїяхъ и безчинствахъ состоитъ счастье челоувѣковъ? Прелюбодѣянїя разрываютъ союзъ священнаго супружества, истребляютъ благословенное чадородіе, разлучаютъ кровнаго съ кровнымъ. вооружаютъ фамиліи противу фамилій, искореняютъ цѣлые дома, и навлекаютъ очевидно гнѣвъ Божій. Сей беззаконный пламень сѣрокалящій низводитъ огонь съ небеси на Содомъ и Гоморру. Идолослуженіе есть безуміе безбожниковъ избрѣтающихъ себѣ столько боговъ, сколько любимыхъ имѣють страстей. Идолопоклонники приносили въ жертву діаволу сыновъ своихъ и дочерей (Псал. 105, 37, 38). Распри разрушаютъ города и государства. Ереси раздираютъ нѣдро матери нашей церкви, и вооружаютъ христіанъ—противу христіанъ. Пьянство дѣлаетъ челоувѣка скотомъ. Посмотрите строже въ общежитіи на плотоугодника. Кто безпечень, празденъ и гнусень? Плотоугодникъ. Кто на должности неисправленъ, льстець, клеветникъ, обманщикъ, мздоимецъ, обидчикъ? Плотоугодникъ. Кто разстроень въ домашнихъ обстоятельствахъ, въ своемъ здоровьѣ? Плотоугодникъ. — Естьли ты укажешь плотоугодника счастлива, будь увѣренъ, что скоро—очень скоро кончится его блаженство. Что? или думаешь напрасно текутъ слезы обиженныхъ, и стоны сиротъ біють вотше воздухъ? Нѣтъ, вопли сиротъ и вдовиць проникають сводъ небесный, и наводятъ праведную месть на главу нечестивцевъ, для своего плотоугодїа раззоряющихъ ближняго. И ужели совѣсть—сей гласъ обличительный— молчитъ въ груди плотоугодника? „Извергъ! ты пресыщаешься,—но къ чему готовишь свое тѣло? Ты называешь себя челоувѣкомъ,—но гдѣ же у тебя мысль о томъ, что будетъ еще вторая жизньъ безсмертная? Ты работаешь чреву, идолопоклонникъ! Бойся Того, Который за невоздержаніе первыхъ челоувѣковъ распялъ!“ Сей гласъ грозный часто потрясаетъ душу дебелоплотнаго міролюбца, и онъ уже довольное терпитъ наказаніе, что внутри себя ощущаетъ предварительную геенну. Естьли же плотоугодникъ упорно все отвергаетъ: и гласъ разума,—и гласъ совѣсти, и гласъ закона Божїа; значитъ, Богъ *предаде его въ похотехъ сердца его въ нечистоту: предаде его въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (Римл. 1, 24, 28). Таковый прямо идетъ къ погибели своей невоз-

вратно. Приговоръ плотоугодникамъ учиненъ: *Горе вамъ на-
сыщеніи нынѣ: яко взалчете. Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко
возрыдаете и восплачете* (Луки 6, 25). Вотъ какъ обманыва-
емся мы, когда въ плотоугодіи думаемъ найти блаженство
наше. Истинное блаженство состоитъ въ спокойствіи духа.
Спокойствіе духа зависитъ отъ совѣсти мирной, безпороч-
ной. Безпорочная совѣсть живетъ въ одномъ добродѣтель-
номъ. Добродѣтельный есть тотъ, кто Богу угождаетъ, не-
полняя законъ Божій. Слѣдовательно, блаженъ только одинъ
добродѣтельный. О семъ такъ говоритъ пророкъ: *Блаженъ
мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ и на пути грѣш-
ныхъ не ста* (Псал. 1, 1). *Блаженъ мужъ бояйся Господа*
(Псал. 3, 1). Или еще на другомъ мѣстѣ: *Блажени непорочни
въ пути: ходящии въ Законъ Господки* (Псал. 118, 1). А уго-
ждая плоти возможно ли угодить Богу? Нѣтъ, говоритъ
Апостоль, *Сущій во плоти Богу угодити не можетъ* (Римл.
8, 8). Почему же? Потомучто *сущіи по плоти, плотская мудр-
ствуютъ: а мудрованіе плотское вражда на Бога: Закону оо
Божію не покоряется, ниже бо можетъ* (Тамъ же с. 5 и 7).
Чтобы покаряться Божію Закону, должно имѣть въ себѣ
духа Божія: всѣ добродѣтели суть плоды Святаго Духа:
*Плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, бла-
гость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержанія* (Псал. 5, 22,
23). Но какъ можетъ плотоугодникъ пріять въ себя Духа
Божія?—

Посему блаженство наше состоитъ въ томъ, чтобы распи-
нать плоть со страстьми и похотьми. Что же въ плотоугодіи?
Грѣхъ, за грѣхомъ слѣдуетъ мучительная совѣсть и скорбѣ-
ніе духа: *Скорби тѣснота на всяку душу чловѣка творящаго
злое* (Римл. 2, 9); Умертви въ себѣ ветхаго чловѣка, обле-
кись въ новаго по духу Христову; громъ проклятія Божія
не будетъ оглушать тебя, и почишь въ нѣдрахъ блажен-
ства подъ сѣнію благодати Христовой.

Далѣе, чтобы совершенно блаженствовать, надобно прію-
брѣсти такое добро, о которомъ бы непрестанно радоваться
можно было. Но гдѣ же такое добро? Въ вещахъ ли тѣлу
нашему служащихъ? Но вещи міра сего перемѣнчивы, тлѣн-
ны, преисполнены тцетою. Нынѣ веселились о богатствѣ. за-
утра плачь о убожествѣ своемъ; нынѣ радуешься о здравіи
нвѣтушемъ, заутра стенаешь въ болѣзни мучительной; нынѣ

пиршествуешь съ друзьями, завтра оплакиваешь смерть супруги твоей, сына твоего, или дщери твоей; нынѣ восхищаешься милостію и благоволеніемъ великихъ людей, завтра подпадаешь гнѣву сильнаго. По сему непостоянству земныхъ вещей страдаетъ въ различныхъ перемѣнахъ и самое тѣло наше, страдаетъ отъ глада и жажды, отъ хлада и наготы, отъ огня и воздуха. Гдѣ же то добро, которое бы непрестанно услаждало насъ? Самое непрерывное пресыщеніе земными благами дѣлается омерзеніемъ для насъ. Духъ нашъ скучаетъ видимостію. Онъ алчетъ и жаждетъ, между тѣмъ какъ наше тѣло роскошествуетъ. При умноженіи чувственныхъ увеселеній умножается печаль и уныніе нашего духа. Слѣдовательно чувственныя удовольствія суть нашему духу скорбь и раскаяніе жестокое. Итакъ чувственныя блага суть мнимыя, ложныя. Познай человѣкъ, что истинное благо есть Богъ. Духъ есть Богъ, существо самосвершенное, высочайшее. Духъ нашъ радуется о томъ, въ чемъ находитъ совершенства. Но въ Богѣ совершенства безпредѣльны: слѣдовательно во единомъ Богѣ, о Богѣ, и Богомъ духъ нашъ вѣчно радоваться имѣетъ. И ты ли, страстямъ работающая тварь думаешь соединиться съ Богомъ? Ты ли, плотоугодникъ, можешь быть едино съ Духомъ? Кое общеніе плоти съ Духомъ? Нечестивому со Всесвятымъ? Человѣкъ угождающій плоти далече отстоитъ отъ Духа, пребывая въ состояніи скотскомъ. Можетъ ли Духъ Божій пребывать въ сердцѣ нечистыми желаніями преисполненномъ? Богъ раздраженный беззаконіями первыхъ сыновъ Адама такъ сказалъ: *Нечистъ Духъ Мой пребываети въ чловѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Бытія 6, 3). Чтобы соединиться съ Духомъ, надобно себя очистить отъ грубой чувственности. Чтобы вознестись къ Духу, надлежитъ свой духъ освободить отъ узъ похотствующей плоти. Кто занятъ весь плотскими пожеланіями, въ томъ нѣтъ мѣста Духу Божію, какъ говоритъ Апостоль: *Душевенъ чловѣкъ неприемлетъ яже Духа Божія*. (1 Коринѣ. 2, 14). Что скажемъ еще о блаженной вѣчности, коея сладость мы только частію предвкушаемъ на земли? Туда, въ царство Духовъ чистѣйшихъ, возможно ли что внити нечистое и грѣховное? Гдѣ горять лучи Божества, гдѣ сіяетъ слава неприступнаго существа, гдѣ разливается огонь премірнаго просвѣщенія, таинственнаго очищенія, во

святилищѣ непостижимаго, какъ тамо быти можетъ плото-угодливая душа? Прочитаемъ у Святаго Іоанна описаніе града небснаго: *и градъ не требуя солнца и луны, да свѣтятъ въ немъ: слава бо Божія просвѣти его и свѣтильникъ его, агнецъ: и языцы спасени во свѣтъ его пойдутъ, и цари земстїи принесутъ славу и честь свою въ него: и врата его неумутъ затворитися во дни: нощи бо небудетъ ту: и принесутъ славу и честь языковъ въ него. И не имать въ него внити всяко скверно* (Апок. 21, ст. 23 и слѣд.). Послушаемъ еще, что говоритъ намъ Спаситель о Царствѣ небсномъ: *якоже убо собираютъ плевелы, и огнемъ сожигаютъ: тако будетъ въ скончаніе вѣка сего. Послетъ сынъ человеческій Ангелы своя и соберутъ отъ царствїя его вся соблазны, и творящихъ беззаконїе. И свергнутъ ихъ въ пещь огненну: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѣ., гл. 13, ст. 40 и слѣд.). Посему то Павелъ святыи поучаетъ насъ глаголя: *Духомъ ходите, и похотни плотскїя не совершайте* (Гал. 5, ст. 16).

Вотъ самаважнѣйшія для насъ причины со благоговѣніемъ принять ту истину, что наше блаженство состоитъ въ умерщвленіи и распинаніи плоти со страстьми и похотьми. *Иже Христовы суть*, говоритъ Апостоль, *плоть распїа со страстьми и похотьми* (Галат. 5, 24). Пусть враги Христовы, юродствомъ почитая ученіе о ношеніи креста,—погибаютъ истлѣвая въ похотѣхъ плоти: намъ же христіанамъ да небудетъ хвалитися токмо о Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа: Имъ же мы распинаемъ міру, міръ намъ (Галат. 6, 14). Христіанинъ чувствуя свое предъ Богомъ недостоинство, повергается предъ жертвенникомъ Креста въ смиреніи глубокомъ, во исповѣданіи грѣховъ и въ признаніи заслугъ Іисусовыхъ: Отъ Креста ему дается благодать или сила противиться грѣху: Тогда онъ умираетъ грѣху, а оживетъ Богу (Рим. 6, 11). Естли мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носимъ: то и животь Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится (2 Кор. 4, 10). Тако христіанинъ соединяется съ Богомъ. Человѣки! распинайте плоть со страстьми и похотьми! вотъ ваше блаженство!

Невѣрующіе и вольнодумцы! посмотрите, на Крестъ же былъ распятъ Божественный Ходатаи́ Бога и человѣковъ! посмотрите и возчувствуйте, сколько Богъ къ намъ есть милосердь и благоутробень! воззрите на окровавленное древо!—

Какъ? ужели кровь невинная и святая, кровь погасившая пламень адскій, кровь упоившая стрѣлы праведнаго Судіи Небеснаго, кровь—ея же міръ весь недостоинъ,—ужели кровь сія несильна извлечь изъ очей вашихъ не единыя слезы умиленія и покаянія? ужели вѣчнующая любовь распростершая на древѣ благоутробныя объятія къ собранію жестоковійныхъ сыновъ Адама,—ужели сія любовь не сильна породить въ сердцахъ вашихъ любовь къ самимъ себѣ, къ истинѣ вѣчной, къ Отцу всеблагому, къ вашему блаженству?—Грѣшники! враги Божественныя вѣры! посмотрите на крестъ и представьте сколько разъ вы распинали человѣколюбца Иисуса! --И Ты Спаситель нашъ! И Ты еще терпишь отъ неблагодарныхъ тварей оплеванія, заушенія, біенія и крестъ?... Еще велишь смолчать громамъ твоимъ?... *Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!!!!....*

VI

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 20-ю.

О томъ какъ человѣкъ еще при жизни своей умпраеть, изъ темы: *Юноше, тебѣ глаголю, востани.* (Луки 7, 14).

И что труднѣе? воскресить мертвеца, или сотворить человѣка? И то и другое равно трудно, равно для человѣка непостижно. Умеръ человѣкъ, значитъ, разстроилась организація его, жизненныя силы разрушились, матерія жизни унесена изъ тѣла воздухомъ тлѣтворнымъ, огонь вылетѣлъ въ бездну Эфира, ненасытимое тлѣніе изсосало всѣ движительныя влажности, и Духъ возвратился къ Богу духовъ. (Еккл. 12, 7). Хладный трупъ есть расхищенная человѣческая природа, малый останокъ величественнаго существа. Воскресить человѣка — значитъ возсоздать твореніе. Такъ, слушатели, возвать умершаго паки въ жизнь—равно великое дѣло, какъ и возвать міръ изъ пустоты ничтожества, изъ небытія въ бытіе. Слово къ умершему сказанное „востани“ равняется творческому всемогущему слову: да будетъ. (Быт. гл. 1). Убо Иисусъ Христосъ есть Богъ, когда словомъ единымъ, самосильнымъ, начальномощнымъ воскрешаетъ мертваго. Человѣки! приидите поклонимся, и припадемъ Хри-

сту Царевнѣ и Богу нашему! въ Его десницѣ жизнь и смерть: Онъ есть наше воскресеніе. Отъ великомощнаго Іисусова гласа „востани“ земля нѣкогда очреватѣетъ разумными существами и плодопринесетъ родъ человѣческій умершей отъ Адама (1 Кор. гл. 15). И куда сокрыться можемъ грѣшныя отъ лица праведнаго Судіи? *Никто же бо насъ себѣ живеть, и никтоже себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господевѣ живемъ: Аще же умираемъ, Господевѣ умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь* (Римл. 14, 7, 8). Когда для насъ умереть естественное дѣло: то первый страхъ нашъ долженъ быть тотъ, чтобы не умереть во грѣхахъ, чтобы не умереть на вѣки. Разсмотримъ, слушатели, какъ человѣкъ еще при жизни своей умереть можетъ.

Человѣкъ есть существо состоящее купно изъ души, и тѣла, одаренное разумомъ и волею. Коль скоро нѣтъ всѣхъ частей составляющихъ одно цѣлое, человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ. Въ природѣ каждая вещь носитъ свое имя соотвѣтственно собственнымъ ея свойствамъ. Отними у тѣла душу, останется трупъ, а не человѣкъ. Но что мы разумѣемъ подъ именемъ человѣческой души? Ужели то, когда человѣкъ родившись растеть, движется, ѣсть и пьетъ и чувствуетъ? Такъ и ползущее по глыбѣ земляной насѣкомое есть человѣкъ, потому что оно растеть, движется, ѣсть и пьетъ и чувствуетъ? И питающийся въ лугу травой волъ есть человѣкъ, потому что онъ растеть, и движется, ѣсть и пьетъ, и чувствуетъ? Нѣтъ, имѣть таковое понятіе о душѣ человѣческой значитъ не имѣть разума. Подъ именемъ души человѣческой мы понимаемъ различныя дѣйствія, дальневидныя намѣренія, дѣла—не на механизмѣ слѣпомъ, а на свободѣ основанныя, поступки благороднѣйшіе, любленіе и храненіе высокихъ законовъ небесныя истины, способность возвышаться безъ мѣры въ познаніи добра, услаждаться вѣчно любовію добра. *Велика вещь человекъ*, говоритъ премудрый; ибо все его достоинство состоитъ во внутреннихъ и невидимыхъ сокровищахъ. Внутреннія же и невидимыя человѣческія сокровища заключаются въ премудрости. И въ чемъ познается премудрость? Послушаемъ самаго премудраго. „Есть въ премудрости Духъ разума святъ, однородный, многочастный, тонкій, благодвижный, свѣтлый, нескверный, ясный, невреждительный, благолюбивый

остръ, невозбраненъ, благодѣлательнъ, челоувѣколюбивъ, извѣстный, крѣпкій, безпечальный, всеильный, всевидящій, и сквозь вся проходяй духи различныя, чистыя, тончайшія. Всякаго бо движенія подвижнѣйша есть премудрость: достизаетъ же и проникаетъ сквозь всяческая ради своею чистоты. Пѣра бо есть силы Божія, и изліяніе Вседержителя славы чистое: сего ради ничтоже осквернено на ню нападаетъ. Сіяніе бо есть свѣта присносущнаго, и зеркало непорочно Божія дѣйствія: и образъ благодѣтели его“ (Прем. Сол. Глав. 7, 22 и слѣдующ.). Вотъ что говоритъ о Премудрости Соломонъ. Ее-то разумѣетъ и другій пророкъ подъ словомъ дыханія жизни, когда описываетъ особо сотворяемое великое существо яко дивное пріятелище лучей Божества: *и созда Богъ челоувѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуку въ лице его дыханіе жизни: и бысть челоувѣкъ въ душу живу* (Быт. 2, 7). Посему челоувѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ Духа Божія: *Не вѣсте ли*, говоритъ къ намъ Апостоль, *яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Корин. 3, 16)? И что есть Духъ Божій? *Духъ Божій есть Духъ премудрости и разума, Духъ Совѣта и крѣпости, Духъ вѣденія и благодѣтели* (Исаи 11, 2). Въ комъ живетъ Духъ Божій, тотъ по благодати есть уже сынъ Божій, умерщвляющій дѣянія плотская духомъ: *Елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи* (Римл. 8, 14). Слѣдовательно что есть челоувѣкъ? Челоувѣкъ есть христіанинъ. Кромѣ христіанина челоувѣкомъ назваться никто права не имѣетъ. И ежели тамъ нѣтъ челоувѣка, гдѣ нѣтъ христіанина; то кромѣ христіанина живымъ челоувѣкомъ никто именовать себя не имѣетъ; *ибо духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). И вотъ что говоритъ о себѣ христіанинъ: *законъ духа жизни о Христѣ Исусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Римл. 8, ст. 2). Имя челоувѣкъ предполагаетъ разумъ и свободу. Но разумъ челоувѣчскій есть буйство у Бога (1 Кор. 3, 19). *И мы умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16). Чтожь до свободы; Идѣже Духъ Господень, ту свобода (2 Кор. 3, 17). Итакъ гдѣ разумъ и свобода, тамо неутолимая дѣятельность въ моленіи и дѣланіи добра; тамо любовь и дѣланіе добра состоятъ въ неутолимой дѣятельности. Гдѣ нѣтъ добра, тамъ нѣтъ жизни челоувѣчской. Жизнь наша не числомъ дней, а добродѣтелями измѣряется. Прожилъ ли кто до глубокой старости, а

добра ничего не сдѣлалъ, тотъ не жилъ. Ибо и прежде своего рожденія порочный также добра не дѣлалъ. Не краса человѣку сѣдина, когда ничѣмъ добрымъ онъ похвалиться не можетъ. Столѣтній старецъ—но безъ добродѣтели—есть младенецъ недостойный считаться между живыми. Недолго жилъ праведникъ, но совершилъ многія годы: *Скончался в малъ исполни лѣта долга. Почему жъ? угодна бо бѣ Господеву душа его* (Прем. Сол. 4, 13 и 14). Тысящи дней, проведенныя въ развратѣ съ нечестивыми, не стоятъ одного дня, посвященнаго на богомысліе и благочестіе, какіе говорить къ Богу псаломникъ: Боже! Лучше день единъ во дворѣхъ твоихъ паче тысящъ, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ. *Одинъ праведникъ живетъ и во вѣкъ неумираетъ* (Прем. Солом. 5, 15). Итакъ живетъ ли тотъ, кто и не помышляетъ о жизни Христіанской? Ахъ, нѣтъ! Слушатели! Страстный міролюбецъ или плотоугодникъ есть живой мертвецъ. Какъ можетъ человѣкъ живымъ быть, когда въ немъ уже умерло то, что составляетъ человѣка? И какъ можетъ человѣкъ живымъ быть, когда умерла въ немъ нравственность? Ужели живъ есть тотъ, въ комъ нѣтъ Духа Божія? Ужели живъ есть тотъ, въ комъ чувствіе добра задушилъ грѣхъ. Въ комъ совѣсть растлѣна потоками беззаконія? Живетъ ли тотъ, кто живетъ единымъ зломъ и для зла? Зло есть оскуднѣніе, лишеніе, исключеніе добра: посему злодѣй есть оскуднѣніе, лишеніе, исключенія человѣка. Живетъ ли тотъ, кто умеръ для общества: какъ гражданскаго, такъ и христіанскаго? Что значить рука, пораженная параличемъ? Она умерла для тѣла. Что пользы, что она есть, а ею ничего дѣлать нельзя? Что значить человѣкъ, весь пораженный параличемъ грѣха и нечестія? Онъ умеръ и для Бога, и для вѣры, и для церкви, и для всего тѣла общественнаго. Что пользы, что онъ существуетъ, а души въ немъ дѣятельной не находится? Увы! Сколько между живыми гнусныхъ мертвецовъ!—Изъ гноевъ смрадоноснаго болота вылетѣвшіе въ горный воздухъ блудящіе огни пріемлютъ разные виды животныхъ и самихъ человѣковъ. Но что значать сіи блестящія существа? Это привидѣнія, бѣглыя страшилища, слитіе горящаго воздуха, раздуваемаго вѣтромъ. И что значить скопище нечестивыхъ? Это суть мелькающія тѣни душъ, мертвыхъ для добра и пріемлющихъ, виды людей; это блудящіе огни беззаконія,

огни раздуваемые дыханіемъ злобы діавольской. И тамо, гдѣ похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская (1 Іоан. 2, 16) взяли свою силу, тамъ не ищи чловѣка. Гдѣ живетъ богачъ, ометаллотворившій свою душу немилосердіемъ и жестокостію къ собрату своему, тамо не ищи чловѣка. Тамо среди мертвыхъ стѣнъ погребенъ трупъ чловѣческой, каменнымъ сердцемъ прильпнувшій ко хладному замку, хранящему злато и сребро. Естьли бы это живое было существо; оно бы имѣло глаза, и уши, и прочія чувства. Но сколько пытали бѣдняки и сироты предъ дверьми благонадежныхъ чертоговъ кричать о помощи, плакать о милостыни, рыдать горько и стонать!... Никто во внутренности драгоцѣннаго дома не слышитъ ихъ, никто оттуда не видитъ ихъ... Ежели какого сердца страждущее живое существо подвигнуть не можетъ; чѣмъ то сердце живѣе мрамора хладнаго, или ржаваго желѣза?—Нѣтъ въ томъ жизни. въ комъ нѣтъ христіанскія души, христіанскаго сердца.— Подобный ужасъ и отвращеніе породитъ въ тебѣ живопись и прочіихъ пороковъ, умерщвляющихъ въ чловѣкѣ самого чловѣка. Представь отца вдавшагося въ распутство. Его домъ есть домъ плача. Мнимый домоправитель привалилъ ко дверямъ сердца своего неподвижный камень и заперъ себя отъ всѣхъ воплей,—отъ воплей совѣсти, отъ воплей супруги, дѣтей, друзей и ближнихъ. Тщетно голодныя дѣти обнимаютъ колѣна черствыя, тщетно теплыми слезами хотятъ они согрѣть плоть родителя своего, плоти хладныя, твердыя подобно стали, неимѣющія пути къ сердцу, или лучше—неимѣющія сердца. Тщетно супруга съ растрепанными власами повергается къ ногамъ поправшимъ все священное, потоптавшимъ скрыжали Божія Закона. Тщетно гласъ церкви и Евангелія представляетъ глазамъ его окровавленныя тѣни дѣтей страдающихъ во адѣ за нечестіе отца.— — — И таковой ли родитель убійства—живымъ чловѣкомъ почтенъ быть можетъ? И что скажете еще о себѣ, вы, явные враги вѣры христіанской? Ужели васъ живыми существами нарицать надлежитъ? Небесная премудрость призывая васъ ко хлѣбу животному (Прит. Солом. 9, 5)—утрудила уже. и въ поразительныхъ тонахъ праведной жалобы страшный вамъ. произноситъ приговоръ: *Понеже звахъ, и непослуцаете, и простиралъ словеса и не внимаєте, Но отъметаете моя совѣты, и моимъ*

обличеніямъ не внимаете: Убо и азъ вашей погибели посмѣюся, порадуясь же, егда прійдетъ вамъ пагуба, и егда прійдетъ на вы внезапно мятежь, низвращеніе же подобно бури прійдетъ, или егда прійдетъ вамъ печаль и градоразореніе, или егда найдетъ на вы пагуба. Будетъ бо егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ (Прит. Солом. гл. 1, 24 и слѣдующ.). Нѣтъ! жестокіе противники вѣчной истинѣ! Вы давно умерли. — нося въ живыхъ тѣлахъ мертвыя души, соблюдая въ живыхъ гробахъ такихъ мертвецовъ, которые для вѣчныхъ страданій воскреснутъ имѣють!..

Ахъ какъ человекъ еще при жизни своей умираетъ, когда дѣлается мертвымъ Богу, а живъ единому грѣху! —

Иисусе Спасителю нашъ! О сколь часто всѣ мы умираемъ душою—пріемля внутрь себя ядъ грѣха! Но Господи, Господи! У тебя источникъ живота! Не даждь намъ во грѣсѣхъ нашихъ умерети! Коснись благодарнымъ перстомъ Твоимъ гробу тѣла нашего, въ которомъ кроется мертвая душа — беззаконіями смердящая! Прорцы еи всемогущное „востани.“—и мертвецъ нашъ воскреснетъ къ жизни духовной. О! воскреси насъ по смерти и къ вѣчной жизни, яко же уповахомъ на Тя! Аминь.

VII.

С Л О В О

Въ недѣлю 1-ю всѣхъ святыхъ о томъ, что вѣра христіанская едина истинная есть и важнѣйшая, пѣтъ темы: *святѣи вси отроу побѣдиши царствія, содѣяши правду, получиши обѣтованіе, заградѣши уста львовъ, угасиши силу огненную.*

Справедливо святая церковь установила духовное празднество въ честь всѣхъ святыхъ. Совершая празднество сіе, мы христіане прославляемъ торжество нашея вѣры. Прославляя торжество нашея вѣры, мы наслаждаемся пира велия, пира духовнаго, пира Божественнаго. Мы торжествуемъ днесь ту побѣду, которую святые одержали надъ міромъ: мы воспѣваемъ купно то блаженство, что мы родились въ христіанствѣ, что мы воспитанники таяжде вѣры: мы воспѣваемъ то блаженство, которое вѣроу получить имѣемъ. Воздадимъ убо достойную честь всѣмъ святымъ, почтимъ друговъ Божіихъ сердцемъ и устами совоспѣвая кійждо

порфиросному пророку: *мнѣ же злѣо честни быша друзи твои Боже* (Псал. 137, 17). Воздадимъ отъ сердца благодареніе всеблагому Богу спасающему родъ человѣческой вѣрою во Иисуса Сына Божія. Невѣрующіе за свое безуміе стыдомъ покрыты будутъ, за свое ожесточеніе и окаянство вѣчнымъ раскаяніемъ и погибелію накажутся, яко презрѣвшіе заповѣдь оную Святаго Духа: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша Вамъ слово Божіе, иже же взирающе на скончаніе жительства подражайте вѣръ ихъ* (Евр. 13, 7).

А мы, христіане (—да усугубится нынѣ веселіе наше—) повторимъ въ ушахъ нашихъ ту истину, что христіанская вѣра едина истинная есть и важнѣйшая въ свѣтѣ.

Вѣра христіанская со всѣхъ сторонъ величественна есть и чудесна: и во первыхъ по своему началу. Начальникъ и совершитель вѣры Иисусъ Христосъ (Евр. 12, 2) есть истинный Богъ, Единородный Сынъ Божій. Иисусъ Христосъ есть тотъ Мессія, о немъ же пророки глаголали, о немъ же первѣе всѣхъ услышаль изгнанникъ едема въ самомъ проклятіи на змія: *сѣмя жены сотретъ тебѣ главу* (Быт. 3, 15); Тотъ Мессія о немъ же во Авраамѣ вся племена земная благославлялись (Быт. 12, 3); Тотъ Мессія иже бѣ чаяніе языковъ (Быт. 49, 10); Тотъ Мессія коего прообразоваль агнецъ пасхальный (1 Петр. 1, 19); Тотъ Мессія на негоже перстомъ указуя болій въ рожденныхъ женами глагола: *Се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра* (Іоанна 1, 29). Тотъ Мессія, о немъ же Петръ, исполнився Духа Свята, рече къ собравшимся въ Іерусалимѣ княземъ и старцемъ и книжникамъ, и Аннѣ Архіерею и Каіафѣ и Іоанну и Александру, и елицы бѣша отъ рода архіерейска: *сей есть камень укоренный отъ всѣхъ зиждущихъ, бывый во главу угла. И нынѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія: Нынѣсть бо много подъ небесемъ даннаго въ человекехъ, о немъ же подбоаетъ спастися намъ* (Дѣянія 4, 11, 12). Иисусъ есть той его же зачатіе отъ Духа Свята благовѣстилъ Архангель Дѣвѣ Маріи (Луки гл. 1). Иисусъ есть той его же рожденіе воспѣли ангели небесные: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: въ человекехъ благоволеніе* (Луки 2, 14). Иисусъ есть той его же крещаемъ, отверзшимся небесамъ, пріосѣнилъ Духъ Божій, спуспедый яко голубъ и грядущій на него, между тѣмъ какъ слышенъ былъ съ небесе гласъ глаголющій: *Сей есть сынъ Мой воз-*

любленный, и о немъ же благоволихъ (Матѳ. 3, 16, 17). Исусъ есть кротокъ, не возопіетъ, ниже ослабитъ, ниже услышится въ гласъ его. Трости сокрушены не сотретъ, и льна курящаяся не угаситъ (Исаиѳ 42, 2, 3). Но онъ столько силенъ страшенъ, что вѣтры послушны ему (Матѳ. 8, 26), море твердетъ подъ ногами его (Матѳ. 14, 25). Слепые прозирають велѣніемъ его, прокаженные очищаются гласомъ устъ его, бѣсы трепещуть и бѣгутъ отъ лица его, мертвые выходятъ изъ гробовъ отъ великомощнаго его глагола. Страданіе и смерть Исуса ознаменованы были чудеснымъ измѣненіемъ природы. Не злодѣй то распинается между злодѣями, но повѣшенъ всесвятый, тотъ подъ коимъ камни разсѣдаются надъ коимъ солнце меркнетъ, вокругъ коего день обвивается въ темноту ношную, отъ силы коего гробы раждають живыхъ, для коего церковная завѣса раздирается и трусь востаеъ великій. Исусъ есть той его же ни камень велиѳ, ни печати, ни стража іудейская не могли удержать во гробѣ: той иже воскресе изъ мертвыхъ силою Божества, живущаго въ немъ тѣлеснѣ (Колос. 2, 9). И дверемъ пришедь заключеннымъ принеся ученикамъ и миръ и благословеніе и благодать Святаго Духа и увѣреніе о воскресеніи мертвыхъ и живота вѣчнаго упованіе. Исусъ есть той иже по воскресеніи деньми четырьдесятьми являлся апостоламъ и глаголавъ еже о царствіи Божіи, той его же глаголюща о силѣ Духа Святаго имѣюща пріитти на учениковъ Божественныхъ облако подъятъ стѣ очію ихъ со хребта горы Елеонской. Исусъ есть той иже послалъ Апостоламъ Духа Святаго въ видѣ огненныхъ языковъ егда скончавшася дніе пятидесятницы, якоже благоглаголивый Лука повѣствуетъ (Дѣян. гл. 2). Да будетъ реченное самимъ Господомъ Исусомъ глаголющимъ: *Да не смущается сердце ваше: въруйте въ Бога, и въ мя въруйте. Въ дому Отца моего обители многи суть: иду уготовати мѣста вамъ* (Іоанна глав. 14). *Гряди къ Отцу моему, умолю Отца, и иного утѣшителя дастъ вамъ, иже есть Духъ истинны, Утѣшитель, Духъ святой, его же пошлетъ Отецъ во имя мое* (Матѳ. 8, 20). Исусъ есть той иже въ состояніи униженія не имѣлъ гдѣ главы подклонити, но въ состояніи прославленія *сѣде одесную престола величества на высокихъ* (Евр. 1, 3). Цѣною крови своя пріобрѣтый себѣ имя, *еже паче всякаго имени: да о имени Исусовѣ всяко колѣно по-*

клонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ (Филип. гл. 2, 9, 10). Убо величественна есть вѣра христіанская столько же сколько великъ есть Богъ; истина есть вѣра христіанская столько же, сколько Богъ истиненъ есть и неизмѣненъ.

Вѣра христіанская не содержитъ въ себѣ ничего нелѣпаго: въ ней все высоко, спасительно, божественно. Простота христіанскаго ученія заграждаетъ уста мудрецамъ свѣта и посрамляютъ человѣческую мудрость яко буйство. Свѣтила умовъ человѣческихъ были только малыя звѣзды, кои мгновенно исчезли, возсіявшу правды солнцу Иисусу. Что значить предъ христіаниномъ идолопоклонникъ, преклоняющій колѣна предъ свѣтилами небесными, предъ каменіемъ, предъ быліемъ, предъ скотами и гадами? Что значить предъ христіаниномъ толпа гордыхъ философовъ сотворяющихъ каждый своего Бога по страстямъ своимъ, то изъ воздуха и огня, то изъ воды и земли, то посаждающихъ на престолѣ слѣпой случай, то всякую тварь Бога именующихъ? Христіанинъ символъ вѣры такъ начинается: Вѣрую въ Бога, вѣрую во единаго Бога, въ Бога Отца, вседержителя и пр. и что такое Богъ? Отвѣствуемъ: *Богъ есть Духъ* (Іоан. 4, 24). Мудрецы слѣпаго свѣта приписываютъ Богу человѣческія слабости и страсти, или почитаютъ Его существомъ ограниченнымъ по мѣсту, или отъемлютъ у него провидѣніе, или всевѣдѣніе, или приписываютъ ему бездѣйственную праздность. Но Богъ...—и не управляетъ міромъ, Богъ—и не смотритъ на дѣянія человѣческія, беззаконіями раздражаются и добродѣтелями не трогаются, или Богъ—и не имѣетъ Божіихъ совершенствъ, не есть ли то безумная мудрость? Отсюда опасное ученіе: начто имѣтъ различіе между добромъ и зломъ? Люди самослучайно рождаются, умирая же погибаютъ совершенно, исчезаютъ невозвратно: *Приидите убо насладимся настоящихъ благихъ: насиліе сотворимъ убогу праведному, непощадимъ вдовицы, ниже старца устыдимъ сѣдинъъ долголѣтнихъ* (Прем. Сол. гл. 2). Вотъ пагубныя слѣдствія отъ неправильныхъ мыслей о Богѣ. Христіане такъ исповѣдаютъ: *Богъ есть любви* (Іоан. 4, 16). Что можетъ быть выше и вождеденнѣе сея истины? Отсюда рождается нравственность самая чистѣйшая и спасительная. Когда Богъ есть любви, то всѣхъ онъ любитъ насъ, какъ чадъ своихъ отецъ;

когда Богъ любить насъ, то и промышляетъ о насъ, и молитвы наши слышитъ, и въ несчастіяхъ помогаетъ, и вся къ лучшему направляетъ. 2) Когда Богъ есть любви, то онъ святъ; когда Богъ святъ, то любитъ одну святость, а грѣховъ отвращается; когда Богъ любитъ святость, а грѣховъ отвращается, то святость награждаетъ а нечестіе наказывать имъ-еть. Когда же Богъ и награждаетъ и наказуетъ, не есть ли Онъ строгій Судія? Когда Богъ строгій есть судія, не должно ли страшиться пороковъ? 3) Когда Богъ есть любви, то какъ не любить намъ Бога? Когда мы должны любить Бога, то какъ не любить намъ другъ друга? Когда мы должны любить другъ друга, не должны ли мы дѣлать другъ другу добро? Жить для ближняго, да всѣхъ насъ Богъ отеческою любовію возлюбитъ! 4) Когда Богъ есть любви, возможно ли, чтобы насъ сотворилъ на несчастія? Когда же Богъ сотворилъ насъ для блаженства, безъ сомнѣнія сотворилъ насъ для лучшей жизни, для будущей. *Духъ есть Богъ. Духъ есть вѣчень; слѣдовательно можетъ Богъ даровать намъ вѣчное блаженство.* Христіанская вѣра говоритъ о безсмертіи души, о воскресеніи тѣла, о вѣчной жизни: *Чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаею вѣка. Вѣмы, яко аще земная наша храмъна тѣла разорится, сознаніе отъ Бога и мамы, храмъну нерукотворену, вѣчну, на небесахъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ, и даде намъ обрученіе духа. Вѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійжедо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла (2 Корин. 5, 1 и слѣд.). Наше бо житіе на небесахъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Иисуса Христа: Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его (Филип. 3, 20. 21).* Вотъ ученіе самое достойное Бога и человѣческой природы! Здѣсь открытъ высокій конецъ нашего существованія на земли, нашего предопредѣленія. Одна Христіанская вѣра предоставляетъ человѣку тѣ блага, кои соотвѣтственны великимъ желаніямъ безсмертнаго Духа, того духа, который здѣ земныя удовольствія презирая ничѣмъ кромѣ вѣчнаго доволенъ быть не хочетъ и не можетъ.

Чтожь грезили философы о душѣ? Кровь, заведенная судьбою машина, матеріализмъ, нѣчто переселяющееся изъ

тѣла въ тѣло, хотя бо то было въ тѣло скота или презрѣннаго животнаго, гармонія тѣлесныхъ силъ, паръ, огонь и проч. вотъ ученіе философовъ о душѣ. Утѣшайся человѣкъ мудростью таковою! Вотъ твое благородство, вотъ твое блаженство!

Внемлите невѣрующіе! внемлите вольнодумцы! одна христіанская вѣра истинная есть и важнѣйшая въ свѣтъ.
